

Слово редактора-составителя

ОЛЕГ В. КИЛЬДЮШОВ¹

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9801-1952

К политической теологии Русской революции: контуры теоретической программы и исследовательская практика²

doi: 10.22394/2074-0492-2022-2-8-18

8

Несмотря на секулярное самопонимание классической социологии и ее нынешних наследников, трансцендентное измерение никуда не исчезло из практик современной социальной жизни. При определенном исследовательском подходе становится очевидно, что даже в самые секулярные дискурсы прочно встроены значительные сакральные элементы, а базовые для них нарративы, по сути, являются теологическими. Карл Шмитт говорил в этой связи о «теологии антитеологического» [Шмитт 2000: 98]³. Как для

1 Кильдюшов Олег Васильевич — научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ, ведущий научный редактор социологической редакции Большой Российской энциклопедии. Научные интересы: теория социального порядка, историческая социология модерна, политическая теология. E-mail: kildyushov@mail.ru
Oleg V. Kildyushov — research fellow at the Centre for Fundamental Sociology, National Research University Higher School of Economics. Research interests: theory of social order, historical sociology of modernity, political theology. E-mail: kildyushov@mail.ru

2 Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Новые социальные общности глобального мира: аффекты и культурная легитимация различий», реализуемого Центром фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в 2022 году в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

3 Карл Шмитт активно использовал теологическую аналогию, называя известного социал-демократа Карла Каутского «теологом Эрфуртской про-

внешнего наблюдателя, так и в самоописаниях участников революционная практика эпохи модерна предстает ярким феноменом обезбоженного мира, поскольку в идеологической сфере революции значимыми признаются только «внутримирские силы» (Макс Вебер). В этом смысле революционная рациональность — это царство имманентного, для которого характерна предельно светская, пост-религиозная картина мира. Кажется, что в ней нет места священному, так как идеологи и практики радикальных доктрин являются рациональными эгоистами, преследующими лишь эксплицитно сформулированные политические цели. На то, что социальное действие внутри этого пространства якобы чистой имманентности постоянно выходит за пределы политической функциональности и оказывается в области трансцендентных смыслов, неоднократно обращали внимание классики социологической мысли (М. Вебер, Р. Арон). Отечественные мыслители также отмечали религиозно-теологические корни русского коммунизма (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев). В последние годы этот подход к советскому опыту получил новое развитие в работах отечественных философов, политических ученых и историков (Д. Е. Фурман, М. К. Рыклин, Ю. Л. Слезкин и др.). Обсуждаемые здесь контуры исследовательской программы политико-теологической интерпретации Русской революции генетически связаны в первую очередь с рядом идей, высказанных в докладе А. Ф. Филиппова «Политическая философия и политическая теология: две версии социологии религии»¹.

9

С точки зрения эвристики политической теологии, восходящей к Карлу Шмитту, трансцендентное измерение присутствует во всех сферах социальной жизни, имеющих политические импликации. В этой связи встает рамочный исследовательский вопрос: является ли радикальная политика конца XIX — начала XX века в лице русских левых экстремистов (народники, социалисты, анархисты и т. д.) одной из тех сфер, где трансцендентное возвращается в форме, казалось бы, чисто имманентной революционно-идеологической практики? Обсуждаемая здесь теоретическая рамка социологического исследования русских радикалов предлагает следующий ответ: революционное идеологическое производство — это особая, квазирелигиозная практика и совсем

граммы СДПГ», Бенжамена Констан — «отцом церкви всего либерального духовенства», а юристов — «теологами существующего порядка» [Dahlheimer 1998: 212].

1 Доклад был прочитан на X Международной научной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна: религия и ценности», которая состоялась 15–17 апреля 2021 года в НИУ «БелГУ».

не случайно то, что в нем постоянно возникают ритуалы и культы мирских святых. Эвристическая прибавочная стоимость данной оптики заключается в возможности эксплицитной тематизации трансцендентного в Русской революции начала XX века. Возникшие на рубеже XIX–XX веков идеологические доктрины в данной перспективе предстают в качестве светских религий спасения радикальной русской интеллигенции. Многие из порожденных этой средой общественно-политических и культурных форм были официально институционализированы в раннем СССР в ходе практических усилий большевиков по коренному преобразованию российского общества. В этом смысле предлагаемая здесь теоретическая рамка эвристически значима прежде всего для генетической части — еще только предстоящего — фундаментального анализа советского модерна как попытки коллективного посюстороннего спасения.

10

Поскольку социология изучает поведение людей как акторов, которые имеют собственные представления о целях и смыслах своих действий, то последние должны рассматриваться не просто как кратковременные реакции, контингентные со стратегической точки зрения, но как укорененные в том или ином метадискурсе трансцендентного. Такой когнитивной рамкой конечных смыслов социального действия может выступать политическая теология. Поэтому легитимным объектом политико-теологического исследования секулярных культурных практик модерна оказываются группы левых экстремистов, программно пытавшихся уничтожить старый порядок Российской империи и учредить свой новый идеальный мир. При этом данная социальная среда как своеобразная идентитарная машина порождала аффекты, связанные с борьбой за признание — например, в форме мирской славы знаменитых революционеров, конкурирующих между собой за почитание в качестве кумиров миллионов. В отдельных случаях ажиотаж вокруг выдающихся идеологов и практиков революции принимал форму устойчивого культа квазирелигиозного типа. Подобные и иные трансцендирующие эффекты, казалось бы, абсолютно имманентной политики радикального толка заслуживают специального изучения посредством социальных наук. Для продуктивного социологического описания данного феномена ретеологизации светских нарративов оказывается полезным взглянуть через призму политической теологии на механизмы функционирования русской революционной среды конца XIX — начала XX века как специфического институционального и дискурсивного порядка. Идеально-типический анализ фигур революционных идеологов, которые благодаря полученной мирской славе зачастую превращались в объект культа, опять-таки увязывает, казалось бы, чисто секулярные аспекты рево-

люционной практики с традиционной для религии «экономикой божественной жизни».

Как известно, пореформенный период истории русской модернизации характеризовался не только особенной динамикой в социальной и культурной жизни, но и острыми общественно-политическими дебатами по поводу дальнейших путей развития России. Значительную популярность в среде радикальной интеллигенции тогда приобрели революционно-романтические надежды на коренные преобразования «отсталого» — по сравнению с Западом — русского общества. Со временем эти ожидания приняли устойчивую дискурсивную форму секулярных религий коллективного спасения в виде различных версий социализма и анархизма, которые были заимствованы у западных социальных теоретиков или созданы отечественными мыслителями на основе западных идей (А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский, П. А. Кропоткин и др.). В 1890-е годы в качестве не (с)только большой социально-экономической теории, но и популярной светской религии спасения распространяется марксизм Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Подобные дискурсивные формы легитимации революционного и освободительного движения в России на многие десятилетия вперед определили климат общественных дискуссий и оказали катастрофическое влияние на характер русской модернизации в XX веке. Изучение такого рода конституирующих нарративов составляет первоочередную задачу любого политико-теологического исследования революционной практики эпохи модерна.

11

Данные идеологические системы в качестве секулярных религий спасения не просто сыграли ключевую роль в формировании дискурсивной конституции Русской революции, но и привели к появлению движений и сект «идеологических виртуозов» (Гюнтер Рот) из числа радикально настроенной части русской интеллигенции. Операторы и пропагандисты этих идей и стали антропологическим ресурсом в ходе попытки насильственной реализации особой идеократической — советской — версии модерна и ее идеологической легитимации. Задача изучения социальной группы революционных виртуозов в качестве «носителей» светской сотериологии смещает исследовательский фокус в сторону исторической социологии радикальных интеллектуалов и их сект. Наибольший интерес в этом предметном поле представляют устойчивые культурные практики, сложившиеся в сообществах революционеров XIX–XX веков в рамках подобных светских религий спасения. Формирование политической антропологии профессиональных революционеров происходило в режиме своего рода «творческой лаборатории» модерна, в которой вырабатывались новые типы социальных акторов с характерными для них практическими способами ведения

жизни и их рациональной легитимации. Многие из этих способов социального действия впоследствии окажутся востребованы в процессе политического и социокультурного утверждения институтов и практик советского модерна.

Таким образом, при выявлении дискурсивных и антропологических истоков советского модерна посредством политико-теологического исследования популярных идеологических систем 1860–1917 годов эти доктрины анализируются в качестве светских религий спасения радикального крыла русской интеллигенции. Тем самым открывается продуктивная аналитическая перспектива на конечные смыслы или на «символическое воображаемое» (Ч. Тейлор) русского общественно-политического радикализма рубежа XIX–XX веков. Социальные группы революционных радикалов и порожденные ими культурные практики и формы обобществления оказываются объективированными формами политической теологии революции. Особый эвристический интерес здесь представляет возможность социологической реконструкции устойчивых форм воспроизводства общественно-политического и культурного радикализма в среде русской интеллигенции, давшей специфические стили ведения жизни.

12

Основные исследовательские задачи в рамках намеченной политико-теологической программы направлены на изучение социологии радикальных групп революционных доктринеров и их идеологических представлений и установок. Последние рассматриваются как социокультурные феномены, имеющие не только политические (борьба за гегемонию), но и теологические импликации (поиски спасения). При этом предполагается, что внутри исследовательского поля исторической социологии Русской революции за счет эвристических ресурсов политической теологии открываются возможности для новой продуктивной трактовки более или менее известных сюжетов отечественной политической и социокультурной истории. Ведь существуют разные способы трактовать нарративы революционных радикалов в Российской империи. Почему же здесь идеологические практики русских радикальных интеллектуалов, т. е. феномены эксплицитно-секулярной культуры модерна, предлагается описывать именно с помощью «старых» теологических понятий? Выбор интеллектуальной традиции политической теологии — это прагматическое обращение к важному для исторической социологии познавательному ресурсу, позволяющему более адекватно исследовать феномен поисков коллективного посюстороннего спасения через революционную практику. Как уже говорилось, в пользу подобного исследовательского подхода говорит и то, что многие теоретики и практики революции от известности лишь в собственной среде пришли к поистине мирской славе — Маркс

и Энгельс, Ленин и Сталин, Фидель Кастро и Че Гевара. Неожиданным (?) для себя образом все они оказались не просто объектами массового почитания, но и предметом квазирелигиозного культа. Таким образом, в столь эксплицитно-секулярной идейно-идеологической практике модерна как радикальная политика происходит заметная ретеологизация базовой семантики, возвращающая нас к традиционным для религии вопросам спасения. Проблематика революционного этоса получает здесь теологическое измерение, ведь в конечном счете речь идет о поиске — в качестве высшей цели — посюстороннего спасения посредством радикальной политики, в данном случае политики революционной. В этом смысле «теологическая генеалогия» (Джорджо Агамбен) может дать новые эвристические ресурсы для более адекватного понимания мира модерна.

В рамках политико-теологической генеалогии значительный интерес также представляет реконструкция смысловых линий от образа «нового человека» в представлении радикальной русской интеллигенции, через идею обновления и «искупления» застарелых грехов общества в горниле революционной борьбы, к идее «советского человека» — строителя социализма и советского народа как «социальной общности нового типа». Фундаментальный анализ светских религий спасения как дискурсивных и антропологических оснований советского модерна расширяет исследовательский инструментарий для интерпретации русской модернизационной катастрофы XX века. Новые познавательные опции должны обогатить концептуальный аппарат социальных наук и способствовать междисциплинарному сотрудничеству среди исследователей советского.

13

Такого рода трансдисциплинарному обсуждению теологических импликаций революционной практики и раннего этапа истории СССР была посвящена научная конференция «Политическая теология советского модерна: от революционных доктрин посюстороннего спасения к культурным практикам социалистического строительства». Она прошла в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ 18–19 марта 2022 года¹. В ней приняли участие исследователи, предметно занимающиеся проблемами исторической социологии советского, политической философии, теологии/богословия, а также историей идей и интеллектуальной историей. Многие материалы данного номера генетически восходят к докладам и сообщениям, прозвучавшим на этом мероприятии. Все они были в той или иной мере ориентированы на решение исследова-

¹ <https://cfs.hse.ru/announcements/538236418.html>

тельских задач по выявлению дискурсивных, антропологических и жизненно-стилевых истоков советского модерна посредством политико-теологической реконструкции идеологических систем 1860–1910-х годов как светских религий спасения радикальной части русской интеллигенции.

Теоретический раздел номера открывает статья Тимофея Дмитриева «Интеллектуалы в поисках спасения: идеологические виртуозы XX века в историко-социологической перспективе». В ней революционные предприниматели помещаются в контекст исторической социологии интеллектуалов. Автор показывает, что идеологические виртуозы из среды политизированной интеллигенции социологически являются привилегированными носителями проектов радикального преобразования общества, которые представляют собой секуляризированные формы религии спасения, направленные на посюсторонний мир. Далее отмечается качественное отличие модерна от предшествующих эпох, не знавших светских идеологий в узком смысле слова: лишь в рамках традиции Просвещения стала возможна эксплицитная формулировка альтернативных программ общественного переустройства. Их создателями выступали политически ангажированные интеллектуалы и их секты различного толка, предлагавшие пути коллективного спасения путем радикального политического действия. В XX веке попытки практической реализации такого рода политических религий привели к катастрофическим последствиям в виде идеократических режимов.

14

Дмитрий Попов в статье «Апофатический и катафатический пути советской политической теологии», опираясь на программную эвристику К. Шмитта, анализирует революционный марксизм как светскую религию, обладающую собственным теологическим ядром. Автор делает краткий экскурс в историю понятия «политическая теология», реконструируя содержательные основания советской теологии. Исследователь выявляет два измерения теологии социалистической революции: отрицательное или апофатическое и положительное или катафатическое. Первое связывается им с волей к тотальному отрицанию старого порядка, что исторически привело к катастрофическим последствиям. На примере большевистского учения о революции реконструируется логика радикального разрушения, в которой слом нормы выступает творческим актом созидания. При этом показана структурная слабость советской положительной теологии, оказавшейся несовместимой с реальными практиками социальной жизни советского общества. В заключение автор фиксирует победу апофатического момента, направленного уже на отрицание самого проекта строительства коммунизма в позднем СССР.

Раздел исследований открывается статьей Георгия Семиглазова «Анархический идеал Алексея Борового как светская политическая теология». Работа посвящена идейному наследию русского анархиста начала XX века А. А. Борового, внесшего свой оригинальный вклад в разработку политической теологии анархизма. Показано влияние Ф. Ницше на этические взгляды левого теоретика, в частности на этику революционной любви к дальнему. На конкретном текстологическом материале его работ реконструируется анархистский общественный идеал общества без насилия как секуляризированная версия религии спасения постхристианского типа.

Исследование Тимофея Харитоновича посвящено теме «Образ Великого инквизитора в государстве и в революции. Политическая теология Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева». В нем на материале творчества великого писателя анализируется связь политики и религии как фундаментальных сфер человеческой жизни. Автор предпринимает попытку собственного политико-теологического прочтения идей классика русской литературы и реконструирует критическое использование аргументов Достоевского в известных размышлениях Н. А. Бердяева о религиозных корнях русского коммунизма.

15

В статье Евгения Абдуллаева (Ташкент) на тему «“Принял Октябрьскую революцию через Платона...”: Платон как предтеча социализма в русской мысли 1900–1920-х годов» исследуется рецепция платоновского идеального государства в контексте теории и практики большевизма. В начале фиксируется распространенность в начале XX века восприятия Платона как теоретика и предшественника социализма как формы государственного принуждения. Данные представления, возникшие в Германии еще в конце XIX века, разделялись многими русскими мыслителями (П. Новгородцев, С. Булгаков, Е. Трубецкой и др.). Показано, что после захвата власти большевиками платоновская тоталитарная утопия становится моделью для интерпретации уравнилельных практик времен военного коммунизма в Советской России. Отмечается заметное сокращение использования платоновских аналогий в период новой экономической политики, а также отсутствие Платона в советском каноне прогрессивных мыслителей прошлого вплоть до 1970-х годов.

Блок исследований завершается материалом Марии Графовой «“Зловонное дыхание обывательщины на щеке революции”: борьба с мещанством в Советской России в эпоху нэпа». Оно посвящено категории «мещанство», активно использовавшейся в советской политической риторике и сатире в качестве маркера для прослойки безыдейных приспособленцев, пытавшихся сохранить нормальность жизни в условиях радикального слома прежних устоев. На мате-

риале сатиры и пропаганды показано, что мещанство опознавалось властным дискурсом как опасный симптом выбора большинством советских граждан аполитичных стратегий приспособления, иногда приводивших к курьезному смешению привычного и навязанного новым режимом.

В рубрике «Переводы» публикуются тексты двух крупных политических интеллектуалов XX века — Эрика Фёгелина и Петра Струве. В работе Фёгелина «Формирование марксистской революционной идеи» осуществлена реконструкция генезиса революционного учения Карла Маркса на основе его ранних сочинений. Уже состоявшийся американский исследователь австрийского происхождения помещает эволюцию взглядов раннего Маркса в рамки гностической революции, бросившей вызов традиционным, в т.ч. христианским, представлениям о жизни духа. Критика религии в этой перспективе предстает первым шагом на пути к программе радикального преобразования жизни с целью полной эмансипации человека. Далее Фёгелин обсуждает новый материализм Маркса, принципиально отличающий его философию истории от Л. Фейербаха и других младогегельянцев. Автор показывает переход от критики религии к критике политического порядка Германии, отсталой по сравнению со странами Запада. Фиксируется ядро эмансипаторной программы молодого Маркса, направленной на преодоление отчуждения человека. Показана философско-историческая рамка, в которой возникает представление о новом социалистическом человеке. Последний в условиях коммунизма преодолевает структурные ограничения разделения труда и возвращается к утраченной целостности. В заключение Фёгелин демонстрирует секулярно-религиозный характер мотивов утопического проекта политической антропологии Маркса, которая сочеталась у него с оппортунистической тактикой систематического разрушения общества.

В статье Струве «Хейрократия: к характеристике античного большевизма и социализма (социологическое исследование Полибия)» известный русский общественный деятель и ученый решает амбициозную социально-теоретическую задачу, пытаясь найти ответ на вопрос: могли ли в античности существовать чисто абстрактные идеологические программы, не привязанные к конкретным политическим движениям, боровшимся за определенные интересы. Конкретно его интересует проблема возможности формирования в греческих полисах эксплицитного социалистического проекта. Опираясь на классические определения Аристотеля, Струве дает рамочное социологическое определение социализма как обобществления собственности. Ученый фиксирует парадоксальную ситуацию наличия у древних греков семантических ресурсов для концептуализации социалистически-утопических форм обобществления,

которые при этом не были связаны с конкретно-историческими социальными движениями Эллады. В качестве примера Струве обращается к разработанному Полибием концепту хейрократии как аналогу античного большевизма, понимаемого как режим внеправового насилия под прикрытием демократической риторики. Обсуждая возможность существования такого рода «звериных» конституций, русский ученый прозрачно намекает на катастрофический опыт большевизма.

Блок рецензий открывается откликом Тимофея Дмитриева на книгу выдающегося британского социолога немецкого происхождения Ральфа Дарендорфа «Соблазны несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний» (2021). Как показывает рецензент, столь социально-теоретически значимая тема как «интеллектуалы и свобода» является не новой для творчества известного ученого. При этом Дарендорф не смог выдержать заявленную им же высокую теоретическую планку политической непредвзятости при выборе ключевых фигур интеллектуальной истории XX века, устоявших перед соблазнами тоталитарной несвободы. В рецензии Дмитрия Моисеева речь идет о книгах Эмилио Джентиле «Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом» (2021) и «Фашизм. История и истолкование» (2022), вышедших в новой серии «Политическая теология» петербургского издательства «Владимир Даль». В отклике высоко оценивается уровень теоретического анализа и точность исторической реконструкции в работах Джентиле. При этом рецензент помещает итальянского ученого в длительную традицию политической мысли, которая рассматривала идеологические феномены XX века в качестве секулярных религий, нуждающихся в предметном, неангажированном изучении со стороны социального знания.

17

Библиография / References

Шмитт К. (2000) Политическая теология. Шмитт К. Политическая теология. М.: КАНОН-пресс-Ц.

— Schmitt K. (2000) Political Theology. Schmitt K. Political Theology. M.: KANON-press-C. — In Russ.

Dahlheimer M. (1998) *Carl Schmitt und der deutsche Katholizismus 1888–1936*. (Veröffentlichungen der Kommission für Zeitgeschichte, Reihe B, Band 83). Paderborn: Schöningh.

Рекомендация для цитирования:

Кильдюшов О. В. (2022) К политической теологии Русской революции: контуры теоретической программы и исследовательская практика. *Социология власти*, 34 (2): 8–18.

For citations:

Kildyushov O. V. (2022) Toward the Political Theology of the Russian Revolution: Outlines of the Theoretical Program and Research Practice. *Sociology of Power*, 34 (2): 8-18.

Поступило в редакцию: 02.07.2022; принято в печать: 05.07.2022

Received: 02.07.2022; Accepted for publication: 05.07.2022